

— Тётя... — Лин стояла перед прилавком, задрала голову и невинно улыбаясь, и сладко позвала врача, сидевшую за стойкой.

— Ох... какая миленькая девчушка, что тебе нужно? — женщина, говорившая на местном диалекте, с улыбкой посмотрела на Лин.

— М-м... мне нужно немного лекарств и бинтов... — Лин продолжала невинно хлопать глазами.

— Каких именно лекарств?

— Ну, таких... чтобы мазать, если кто-то поранился...

— Понятно... подожди минутку.

Женщина развернулась и достала с полки две коробочки с мазью, пакетик ваты и рулон бинтов.

— Дай посчитаю... с тебя семь юаней... — женщина только закончила щелкать костяшками счетов и подняла голову, как обнаружила, что девочка исчезла. Взглянув на дверь, она увидела, как та, прижимая к груди лекарства, крадучись пробирается к выходу.

Лин поняла, что её раскрыли, и припустила со всех ног. Женщина, осознав неладное, пулей вылетела из-за прилавка. Вся её недавняя любезность испарилась, и она, осыпая беглянку бранью, бросилась в погоню.

Но не тут-то было: с громким шлепком женщина споткнулась о верёвку. Оказалось, Лин заранее натянула её поперёк порога, так что женщина растянулась на полу во весь рост.

Лин, не сбавляя бешеного темпа, обернулась на бегу и крикнула:

— Тётя... простите... я обязательно верну вам деньги!!!

Группа муравьёв, переселявшихся на новое место, организованно маршировала у неё под ногами, пробираясь сквозь щели в подошвах её ботинок и преодолевая заросли диких трав, которые казались им настоящими джунглями. Здесь было не так красиво, как в саду семьи Тэнму, где каждое дерево и цветок были подстрижены по линейке и радовали глаз яркими красками. Но здесь она чувствовала то, чего никогда не знала там, — свободу.

Хун часто находил её в самых дальних уголках сада. Её белоснежное платье принцессы было перепачкано грязью, а на лице красовались чёрные отпечатки пальцев. Она бросала на него мимолётный взгляд и снова опускала голову, продолжая своё занятие, будто его вовсе не существовало.

Она была погружена в мир природы, в жизнь цветов, птиц и насекомых, но никогда не притрагивалась к одиноким куклам и безмолвным книжкам со сказками в своей комнате. Они не знали её ласки и могли лишь бесконечно ждать на своих местах, печально взирая на эту сказочную комнату принцессы.

Хун часто приводил с собой мальчика — того самого, что искал её на банкете, чтобы поиграть. Она так и не узнала его имени и виделась с ним всего один раз. Когда Хун просил её выйти и повидаться с братом, она молча поднималась по лестнице и запиралась в своей комнате.

Мальчик грустно спрашивал Хуна, неужели сестра его не любит? Хун отвечал, что это не так, но не находил слов, чтобы утешить его. Он никогда не понимал, что творится у неё на душе, о чём она думает и чего хочет...

Сейчас она уже больше часа ждала в зарослях кустарника. Она следовала указаниям Лин и не двигалась с места. Но сердце охватывала всё большая тревога, предчувствие чего-то неотвратимого...

Вдруг она услышала шорох. Затаив дыхание, она почувствовала, как по спине пробежал холодок. Шаги приближались. Она боялась пошевелиться, опасаясь любого звука — вдруг это они?

— Чего застыла?! — рявкнула Лин, заставив её вздрогнуть.

Лин залилась озорным смехом, и она наконец выдохнула. Заметив, что Лин вся в пыли, она спросила, что случилось.

Лин лишь отмахнулась, не сказав ни слова. На самом деле она боялась за неё, поэтому бежала обратно изо всех сил, несколько раз упала и даже разбила колени.

— Снимай одежду, — сказала Лин.

Лин стояла позади неё, осторожно обрабатывая раны и дуя на них. Она крепко сжимала зубы, чтобы не издать ни звука, хотя лекарство нестерпимо жгло. Она сама не заметила, как от боли потекли слёзы. Но она не видела, что глаза Лин, смотревшей ей в спину, были полны слёз сострадания.

(Чунь... ты и не догадываешься, что я по-настоящему захотела защитить тебя именно тогда, когда увидела твоё тело, покрытое шрамами. Я так и не научилась читать, откуда берётся холод в твоих глазах, даже если ты никогда не смотришь так на меня. Сколько боли и ран скрыто там — возможно, они болят сильнее, чем те, что на твоём теле. Ребёнок шести-семи лет смотрит на многие вещи так отстранённо... что же тебе пришлось пережить? Разве ты не должна была жить счастливо? Только потому, что во мне глубоко укоренилась мысль, будто ты должна быть счастлива — чиста, как твоё имя, — я с того дня взвалила на свои плечи все тяготы и невзгоды, чтобы ни одна капля грязи или боли не коснулась тебя...)

Ноябрь 2003 года, из дневника Лин, спрятанного на дне сундука.

<http://bllate.org/book/20764/2083560>